

1

Осень после незадавшегося лета также выдалась не ахти, еще более холодной и дождливой. Лило буквально каждый день, пусть небольшой дождик, на пятнадцать минут, но стабильно. Каждые три-четыре дня начинался дождевой конвейер, когда лило по десять минут через каждые четверть часа, а раз в неделю дождь шел сутками напролет. И чем ближе к зиме, тем затяжнее были дожди. В общем, поганая погода, при которой можно обрасти мхом.

Но лично Рус такой погоде только радовался, ибо если у каких кочевников появилась мысль совершить нападение, то сделать это просто физически было затруднительно, так как кони в один момент вязли в грязи. Впрочем, с желающими тоже пока обстояло не очень, ведь кутригуры как военная сила по факту уничтожены в Крыму, и сейчас степь между Днепром и Доном перераспределяли между собой оногуры и выбитые аварами с востока утигуры, так что им было не до походов на славян. Остатки кутригуров, чтобы их окончательно не раздавили сии жернова, забились обратно в Крым, стоило только оттуда уйти славянам, и носа не казали.

Но если в плане погоды было холодно, то в плане деятельности очень даже жарко. Всю осень шли подготовительные мероприятия. В первую очередь доделыв-

вался транспорт: сани и арбы, а также целыми днями работали кузны, где устроили все тот же конвейерный поток работающих молотобойцев, чтобы произвести в достаточном количестве гражданскую продукцию: гвозди, лопаты, пилы, топоры, серпы с косами, дверные петли и так далее. Ну и цепи...

В конце октября пошел снег и ударили практически сибирские морозы. Малый античный ледниковый период продолжал зверствовать. С установлением постоянного снежного покрова в начале ноября с северо-западных окраин струнулись первые массы людей и двинулись на восток.

Как и ожидалось, юго-западные племена решили остаться в родных краях. Лишь отдельные племена и рода из союзов племен-отказников, те, что поумнее, или те, у кого имелись жесткие конфликты с соседями, решили присоединиться к Исходу.

— Что будем с ними делать? — спросил хмурящийся Лех.

Он решил посоветоваться с Русом как с князем Исхода, ведь его это тоже касалось самым непосредственным образом.

— Ничего.

Лех изумился, аж брови на лоб полезли, ведь такой отказ юго-западных племен — это удар по его власти как пана. То есть и остальные могут решить, что на Леха можно махнуть рукой и поступать так, как им хочется, несмотря на достигнутые ранее договоренности. Рус это понимал, но совет такой дал не из желания ослабить власть брата. Он пояснил:

— Мы не можем сейчас отвлекаться на них, Лех. Процесс запущен. Вот-вот предстоит выступить, и все силы придется бросить на охрану идущих людей, а тут, сам понимаешь, желающие нас покусать найдутся, те же оногуры...

Да, оногуры из возможных союзников, что могли прикрыть уходящих на север славян от степняков, превратились в обычную угрозу. Кровный союз окон-

чательно распался после того, как от родовой горячки умерла Лыбедь, сестра братьев Кия, Хорива и Щека, что была выдана замуж за сына вождя оногуров.

— Что до отступников, их покарают боги за предательство и просто неразумность. Если подумать, то тебе это даже будет в чем-то выгоднее.

— Это в чем же?

— Когда на них вдоволь покатаются авары, а ромей их при этом защитит не смогут, ибо оставшиеся сами должны служить защитой для ромеев, они обратятся к тебе за спасением, и ты их спасешь. Вот только ты вправе при этом будешь не сохранять племена в прежнем составе, а расселить обязанные тебе рода в других племенах, в том числе в своем, усилив тем самым как себя, так и тех, кто не будет тебе перечить по поводу и без.

— Хм-м... — с задумчивым видом выдохнул Лех, а потом улыбнулся. — Мне нравится твой план. Так и сделаем.

Рус же видел в этом первый шаг к объединению племен в единую формацию. После того как произойдет первый процесс слияния, последующие должны пойти легче, ведь прецедент уже есть. Хотя, конечно, не факт.

Собственно, Рус видел в переселении отличный способ перемешать славянские племена между собой, ослабить их прежние связи и при этом вынудить налаживать новые с новыми соседями, что, по его мнению, должно только сильнее сплотить их между собой.

А то ведь как раньше было? Племена общались в основном лишь с соседями и в итоге волей-неволей обособливались, формируя пять-шесть центров, и процесс этот, как показала практика, зашел уже слишком далеко. Два таких центра настолько сильно обособились, что остались на месте, отказавшись принять участие в Исходе. И никак нельзя селить племена в прежней обособленности. Так что Русу и Леху пришлось хорошенько поломать голову, сидя над картой, распре-

деляя зоны заселения племен, так, чтобы не вызвать у них сильного протеста (вожди все-таки не дураки и поймут, что сильным дроблением их хотят перемешать и тем самым ослабить) и при этом замедлить процесс обособления на новом месте. Но справились за счет вытягивания поселений старых племенных союзов по одной реке и заселения по параллельной реке другого племенного союза. В итоге северо-западные племена теперь будут соседствовать с юго-восточными, а вокруг них — северные и южные племена.

— Лех, когда пойдете на север, не трогайте южных балтов, оставьте тех, что живут южнее Припяти и Горыни, в качестве щита. Даже тех, кто живет севернее, по возможности отгоняйте именно на юг, пусть они станут щитом для нас от степняков.

— Предлагаешь оставить врага за спиной?

— Они нам теперь не сильно страшны.

— А если в жажде мести объединятся с аварами? Не забыл, что именно южные балты являлись основной целью наших походов за рабами?

— Не забыл, у меня одна из наложниц как раз балтка... Вот чтобы не объединились, нужно заключить с ними союз, если надо, то кровный (Чеха жени или еще кого), и постепенно сделать их частью себя. Нужно при этом поставить балтов перед выбором: или они становятся нашими союзниками, или в конечном счете окажутся размолоты, словно зерно между двух жерновов, то есть между нами и степняками.

— Попробовать можно...

— Собственно, я предлагаю тебе не сгонять на своем пути вообще всех балтов, а вбирать их малыми частями (скажем, один род на племя), расселив их семьи по нашим родам. Мало того что это освежит нашу кровь и в перспективе усилит количественно, так еще они послужат нам учителями в плане хозяйственной деятельности на чужой земле.

— Да, это хорошая мысль... — признал пан Лех. — Сам о подобном думал...

Что до прибывающих людей, то для них все, что мог сделать Рус, это подготовить достаточно топлива, для чего северные племена, живущие в лесной местности, активно рубили деревья и сплавливали их по рекам. Продовольствие у них имелось свое, но и тут имелась подкормка в виде рыбы. Сети буквально перегораживали реки и опустошали их от всего, плавающего в воде...

Но пока западные племена подходили, накапливаясь на берегах Южного Буга, северо-восточные племена в начале января, как только на речках встал достаточно крепкий лед, двинулись на север, выходя к Днепру в район, где теперь так и не возникнет город Киев. Эта река также оказалась прочно скована льдом, и, собираясь в крупные массы по пятьдесят-семьдесят тысяч человек, люди двигались дальше, растягиваясь на многие версты, ведь шли не только люди, они гнали огромное количество разнообразного скота: баранов, коз, лошадей и коров.

Впереди и на флангах двигались крупные отряды охраны, облаченные в черные доспехи, и если имелись ватаги, желающие пощипать караван переселенцев, то, увидев такую силу, они быстро отказывались от своей затеи, потому как даже после удачного нападения уйти с добычей далеко не смогут. Возможно, они пытались договориться между собой, чтобы напасть уже более крупным отрядом, чтобы можно было отбиться и раствориться в лесах. Ну а пока договаривались, огромная змея из людей, повозок и животных медленно ползла на север, делая не больше десяти-пятнадцати километров в день, ибо и день короткий, и, пока светит солнце, надо не только пройти как можно больше, но и разбить лагерь для ночевки.

Вставали люди еще в потемках, готовили еду, ели, сворачивали походные чумы и с первыми лучами солнца, воздав все необходимые требы богам, дабы дорога их была легка, отправлялись дальше в путь.

Одним из недостатков зимнего Исхода являются болезни, провоцируемые холодом и усталостью, а именно, неизбежные простуды. Именно эта болезнь, что могла перейти в воспаление легких с практически стопроцентным смертельным исходом, самая опасная в таких условиях. Когда долго идущие люди начинают испытывать жажду, они или пьют холодную воду, или вовсе начинают есть снег. Дабы минимизировать потери от простуды, а ею страдают в первую очередь дети, Рус и заказал у ромеев столитровые самовары, доверив их эксплуатацию жрицам Живы.

Эти бронзовые емкости, поставленные на усиленные сани с железной печкой, в пути, прямо на ходу грели воду, в которую добавляли различные ягоды и плоды для витаминизации: малину, смородину, шиповник, боярышник, рябину и прочее, что женщины собрали и засушили за лето, пока их мужчины тусили в Крыму. Двигаясь из начала в конец колонны и обратно, жрицы поили всех желающих, строго следя за тем, чтобы путешественники не хлебали холодную воду. Ночью в самоварах варили кашу, чтобы утром люди меньше тратили времени на готовку.

Так что Рус надеялся, что хотя бы от простуды он людей убережет... по крайней мере от тяжелой ее формы со смертельным исходом, и не получится так, что чуть ли не половина детей погибнет в дороге, за что его проклянут убитые горем родители. Так-то кашляющих все равно хватало.

Главное еще, чтобы не сильно вспотели в движении. Собственно, люди все же не идиоты и должны были понимать, что вечером следует быстро обернуться полотенцем и переодеться в сухое, тем более что им это прямо было рекомендовано. Ну а кто не следует наставлениям жриц богини Живы, то кто ему доктор? Сами себе злобные буратины...

Если для сохранения здоровья Рус сделал все, что мог, то для того, чтобы предупредить гибель людей от нападения балтов, он... тоже сделал все, что было в его силах, но угроза сохранялась. Проблема даже не в том, что противник попытается пробиться к идущим, а в том, что людей могли осыпать стрелами издали.

Дабы минимизировать подобные потери, сопровождающий отряд был поделен на четыре части. Помимо хвостового и головного отрядов имелось еще два, что шли внутри колонны, разбивая ее на три части, так что среагировать на атаку они могли вполне оперативно. Главное, чтобы разведка не проспала, и воины сумели достаточно быстро выскочить навстречу врагу.

С последним могли возникнуть трудности, так как с боков двигались практически сплошным потоком стада различной живности. Но если подумать, то они тоже служили неплохой защитой от нападавших, если оные захотят побить переселенцев холодным оружием. Но чтобы до такого не дошло, активно работала разведка. Небольшие кавалерийские отряды по тридцать человек на подкованных шипастыми подковами лошадях сновали по окрестностям, выискивая малейшие следы присутствия вражеских отрядов. Но пока все было чисто. Лишь следы одиночных разведчиков, а может, обычных охотников, виднелись тут и там.

Зимний исход в этом плане, в отличие от летнего, выгодно отличался. То есть врагу при всем желании незаметно, укрывшись в «зеленке», вплотную к цели не подобраться и не устроить долговременную засаду: замерзнут напрочь. Быстро преодолеть дистанцию откуда-нибудь из глубины лесного массива тоже затруднительно: мешают сугробы, так что быстро не побегаешь, а кроме того, лес хорошо просматривается, поэтому любое движение быстро фиксируется. Единственная возможность подобраться близко появлялась ночной порой и во время густого снегопада. Вот только для потенциальных нападающих это тоже тот еще квест.

Когда приходило время вставать на ночевку, мужское население начинало активно работать пилами и топорами. Но они не столько добывали дрова, на которых женщины готовили еду, сколько создавали оборонительный периметр. Для минимизации работ выбирали участки с высоким и обрывистым берегом, разведчики помимо врагов искали еще и удобные места для ночевки.

Внутренний периметр, в котором ночевали люди, делался за счет повозок, что выстраивали кругом; в случае, если берег низкий, то и по берегу; плюс дополнительно ставили ежи из связанных между собой трех колеб, и ежи эти также связывались между собой.

Внешний периметр создавался за счет засеки. В пространстве между внешним и внутренним периметром ночевали животные. Так что если нападавшие имели целью не нападение на людей, а угон скота, то их ждал большой облом. Такое расположение скота служило людям дополнительной защитой. Во-первых, еще одно препятствие, а во-вторых, увеличивается дистанция, если враг решит тупо обстрелять лагерь из луков и забросать его дротиками. Ведь деревья внутри периметра на дрова как раз не трогали, чтобы их кроны защищали от такого дальнобойного навесного обстрела. Чтобы враг не подобрался незамеченным на дистанцию стрельбы, за кольцом засеки разводили большие костры, которые освещали окружающее пространство до самого утра.

А вот густой снегопад, точнее вьюга, представляла опасность сама по себе, особенно если застигнет в пути. Подгадав непогоду, противник мог воспользоваться ею, стремительно атаковать и если не побить людей, то угнать часть скота и при этом без особых проблем уйти, ибо преследовать в таких условиях себе дороже, а выпавший снег скроет следы.

Но и тут имелась возможность предохраниться заранее. Рус прекрасно помнил свой опыт морского путешествия на реквизированной у ромейского купца галере, а точнее, вспомнил про предсказателя погоды, старого

раба Пирота, страдавшего жестокой метеочувствительностью. Рус попытался найти таких же метеозависимых людей среди славян и, конечно же, нашел. У кого голова раскалывалась, у кого суставы ломало, у кого старые раны болеть начинали, так что у него имелась своя группа погодных предсказателей. И пусть они работали не так четко и точно, не могли предсказать конкретный тип изменения погоды (сильный ветер или снег), продолжительность того или иного явления, как это делал Пирот, просто потому что до сих пор статистику зависимости своих головных болей и изменения погоды целенаправленно не вели, но тем не менее подсказать с точностью до суток, когда испортится погода, были в состоянии. Рус был уверен, что и среди врагов имеются такие же предсказатели, и преследователи, опираясь на подобные подсказки, могли спланировать вылазку.

Благодаря таким предсказаниям серьезная непогода с вьюгами и метелями переселенцев в пути практически не заставляла. Рус, прислушиваясь к стенаниям «метеорологов», останавливал движение, давая лишний день на отдых. Тем более что по плану и так предстояло давать один день полноценного отдыха на каждые пять дней пути, чтобы люди могли не только физически отдохнуть, но и провести техосмотр транспортных средств и, если надо, что-то подремонтировать, починить одежду, особенно обувь. Так что в целом график движения выдерживался.

3

Спустя две недели после выхода, преодолев около ста пятидесяти километров по льду Днепра, переселенцы вышли на Припять, прошли еще пять дней и достигли места, где в нее впадала река Словечна. Отсюда началось расселение первых родов, точнее целого племени.

Селились плотно, не по двадцать-тридцать семей в одной деревушке и по пять-семь деревушек в «кусте» на удалении пяти-десяти километров друг от друга, с удалением подобных «кустов» на пятнадцать-двадцать километров между собой, как привыкли, а фактически создавали полноценное племенное городище. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Мельче просто нельзя было в целях безопасности, ибо небольшие деревушки могут стать легкой добычей для аборигенов, которые непременно захотят напасть на чужаков и поживиться их добром, плюс самих чужаков в рабы определить. На столь крупное поселение они нападать поостерегутся, по крайней мере в первое время, а потом уже поздно будет... пить боржомом.

Собственно говоря, большое городище требовалось лишь на первое время, пока переселенцы не освоятся на месте и не разберутся что к чему. Уже после, в зависимости от того, какие сложатся отношения с аборигенами, начнется расселение (мирное или не совсем). Оставалось только надеяться, что больших дураков ни среди аборигенов, ни среди переселенцев нет и больших конфликтов не возникнет.

Первое городище решили ставить на слиянии Припяти и Словечны. Поскольку на дворе стояла зима и земля мерзлая, отогреть ее и копать было слишком долго и муторно, периметр для городища закрыли не привычным частоколом, вкопанным в землю на насыпном валу со рвом вокруг (это все летом будет сделано, по крайней мере выкопан ров), а методом сруба. Рубили небольшие башенки три на три метра, между ними закладывали горизонтальные бревна десятиметровой длины. Такая стена из сырого леса, конечно, долго не простоит, но на пару-тройку лет хватит, а там заготовленный позже лес высохнет, из него и поставят нормальную стену.

Стену для городища благодаря имеющемуся в большом количестве инструменту для работы с деревом возвели всего за два дня. Поставили не только периметр, но и сколотили полноценные ворота, повесив их на насто-